

ИЗВЕСТИЯ ИОАННА ЭФЕССКОГО И СИРИЙСКИХ ХРОНИК О СЛАВЯНАХ VI—VII ВЕКОВ

Проф. А. Дьяконов

К числу весьма ценных сведений о славянах следует отнести сообщение Иоанна Эфесского (506—585). Сириец по происхождению, из области города Амиды в Месопотамии, Иоанн провел юность в монофизитских монастырях Месопотамии, но с 540 г. имел свое основное местожительство в Константинополе, в предместье столицы — Сиках, хотя между 542 и 563 гг. подолгу отлучался из столицы в провинцию Азию в качестве миссионера и с 549 г. — монофизитского епископа города Эфеса¹. Этим объясняются перерывы в известиях Иоанна о славянах, так как он любил рассказывать только то, что видел собственными глазами.

Иоанн был близок ко двору Юстиниана и Юстина II, и хотя он с 571 г. подвергался гонению как монофизит и подолгу сидел в тюрьме, но до конца жизни оставался хорошо осведомленным в политике Юстиниана и его преемников до Маврикия, на пятом году царствования которого он умер².

Иоанн Эфесский был последним представителем униональной партии среди монофизитов, безуспешно боровшейся против развивавшегося на Востоке сепаратизма, и в качестве «ромейского» патриота близко принимал к сердцу интересы империи не только на Востоке, но и на Западе³. Таким образом, он был достаточно осведомлен о славянах, которые неоднократно появлялись в предместьях столицы, и интересовался ими больше, чем Псевдо-Захария. Иоанн написал обширную «церковную историю» в трех частях — от начала империи до 585 г. н. э. В нее были включены также сочинения, написанные им ранее: например, воспоминания о чуме 541—542 гг., написанные в 543 г.⁴

Для нашей темы представляют интерес вторая часть «Истории» (439—570), законченная автором в 571 г., и третья часть (571—585), законченная в 585 г.⁵ Хотя Иоанн и называл свою историю «церковной», но он уделяет много внимания и гражданской истории, а в третьей части последняя, шестая, книга целиком посвящена гражданской истории. К сожалению, вторая часть в подлинном виде почти полностью утрачена; не сохранились также многие главы третьей части, в том числе последние главы интересной для нас шестой книги; о содержании их мы знаем только по сохранившемуся общему оглавлению этой книги, составленному не самим автором,

¹ А. Дьяконов. Иоанн Эфесский, стр. 33 и сл., 39, 60, 67, 78.

² Там же, стр. 164.

³ Там же, стр. 65, 147, 343.

⁴ Там же, стр. 168.

⁵ Там же, стр. 172, 202, и сл., 304 и сл.

а переписчиком, не совсем точно переписавшим принадлежащие самому автору заглавия отдельных глав¹. Утраченные вторая часть и отдельные главы третьей части восстанавливаются главным образом на основании двух позднейших компиляций: так называемой «Хроники Псевдо-Дионисия», составленной в 775 г. анонимным монахом Зуккинского монастыря близ Амиды², и хроники Михаила Сирийца, якобитского патриарха конца XII века (1166—1199)³. Для контроля не вполне исправного текста последней имеют некоторое значение «Сирийская хроника» Григория Бар-Эбрая (1226—1286), который компилировал Михаила⁴, и два перевода этой хроники — арабский и армянский⁵.

Ни Псевдо-Дионисий, ни Михаил Сириец, пользовавшиеся непосредственно Иоанном, далеко не могут заменить утраченного подлинника; первый дает выписки, не всегда точные, из источника, но лишь отрывочные и случайные; второй старается использовать содержание источника полнее, но дает лишь сокращенный пересказ. Оба компилятора хронисты и располагают материал по годам, а Иоанн Эфесский писал прагматическую историю и не считался с хронологической последовательностью. Кроме того, при составлении третьей части, написанной во время гонений, автор, по его собственному разъяснению, часто не имел под руками ранее написанных глав, а потому повторялся, рассказывая об одном и том же несколько раз⁶. Отсюда у компиляторов иногда получались недоразумения: они датировали известия Иоанна неправильно, а иногда одно и то же событие принимали за два разновременных факта. Это необходимо иметь в виду при объяснении ниже приводимых известий Иоанна о славянах.

Из второй части «Истории» Иоанна Эфесского оба компилятора сохранили известие о нашествии гуннов и славян на столицу в 540 г. Я привожу известие Псевдо-Дионисия в контексте с предшествующими и последующими известиями, что необходимо для определения хронологии, а затем сокращенный пересказ того же известия у Михаила Сирийца. Что известие Псевдо-Дионисия представляет буквальную, хотя и не вполне точную выписку из Иоанна Эфесского, это видно из того, что рассказ ведется в первом лице — от имени очевидца. Текст у Псевдо-Дионисия (как, без сомнения, и у Иоанна) включается в длинный, разделенный на пять глав, рассказ о чуме 541—543 гг., о которой Иоанн еще в 543 г. написал особое сочинение, и представляет конец второй главы рассказа о чуме⁷.

«За три года до чумы и даже за четыре года и до текущего года была в смятении вся западная страна. Усилились и участились войны в городе Рима и в Равенне, которая находится в его области, а также в Карфагене, что в стране Африке. А потом [пришли] еще враги этого царства — бесчисленные сильные народы. Некоторые из них с божьей помощью были по-

¹ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 304.

² *Chronicon anonymum, Pseudo-Dionysianum vulgo dictum*, t. II, ed. J. B. Chabot et E. W. Brooks. Paris, 1933, CSCO, ser. III, t. II, 2.

³ *Michelle Syrien. Chronique*, éd. et trad. par J. B. Chabot. t. I—III (trad.) IV (texte). Paris, 1899—1906.

⁴ *Gregorii Barhebraei Chronicon Syriacum*, ed. Bedfan. L., 1890.

⁵ *Chronique de Michelle Grand*, trad. sur la version arménienne, par V. Langlois. Venise, 1868. О хрониках Псевдо-Дионисия и Михаила Сирийца как компиляциях из «Истории» Иоанна Эфесского, см. А. Дьяконов, Цит. соч., стр. 206 и сл., 276 и сл., 302; 175. Арабский перевод цитируется по вариантам в издании сирийского текста J. B. Chabot.

⁶ *Joannis Ephesini Hist. ecclesiae*, p. III, ed. E. W. Brook, P., 1935, II, 50. См. Дьяконов. Цит. соч., стр. 315 и сл.

⁷ *Chronicon Pseudo-Dionysiacum*, ed. Chabot — Brooks, II, p. 89—91. В приводимом тексте, как и во всех последующих, в прямых скобках заключены слова, которых нет в тексте, но которые предполагаются смыслом или необходимы для пояснения текста.

корены этим царством, а именно — Рим и Африка, и земли их и царства их, причем и цари их были уведены и доставлены в этот город. Все время до конца их жизни мы видели их порабощенными, как и других различных вождей, вместе с пленниками из их стран».

«А те варварские народы¹, которые, как написано (Иерем. 6,22), восстали от концов земли, усилились, разорили, опустошили, сожгли и разграбили [страну] и дошли до самой стены города, когда мы находились в нем. Они захватили даже некоторые предместья (προάστεια) его и некоторых жителей его. Не один только год [они приходили], но три года один за другим. По причине многочисленности их никто не мог устоять перед ними. Они поэтому с таким презрением относились к этому царству, что послали [сказать] через послов: приготовьте нам дворец ваш — вот мы идем туда. Так что страх напал на царя и на вельмож. Ворота дворца тотчас были заперты и укреплены железными цепями, как если бы находившийся за ними город весь сдавался без боя и старались укрепить только дворец. Ничего подобного не было ни видано, ни слышано с основания города. Со страха приказали вырубить все деревья вокруг всего города на 100 локтей. Так как это был царский город и потому всё в нем до сих пор строго охранялось в неприкосновенности, между внутренней стеной и наружной стеной с западной стороны, — ведь только там была каменная стена, а с других сторон море—[жители] вырастили большие и мощные деревья — кедры, кипарисы, орехи и фиги, а также виноградники и фруктовые сады вот уж 100 лет тому назад. Так они и оставались с того времени все срубленными и поваленными, потому что не находилось людей, чтобы сдвинуть их с места по причине их толщины. Это уничтожение деревьев навело страх на всех; все волновались и говорили: если бы не чувствовали, что разразилась беда, не пошли бы на это».

«Таковы были новые осложнения и затруднения [для государства], и это было бесспорно козни дьявола. Тогда же поднялся и восточный ветер, т. е. царство Персидское. Оно также усилилось и приготовилось к войне при помощи сильных народов всего Востока. Поднялись все цари земли восточной и направились на эту землю ромеев. Они прошли, разорили и покорили [страну] до великого города Антиохии и осадили его. Так как город возвел укрепления, чтобы оказать сопротивление врагу, то враг победил его, завоевал, разорил, сжег, пленил и разрушил до основания. Он унес даже мраморные плиты [πλάκας], которые были вделаны в стены и в дома, и весь город увел в плен».

У Михаила Сирийца (IX, 33) это известие передается так: «Пришли войска гуннов и склавов (esqlabe) и осадили царский город. Они прорвали внешнюю стену, разграбили и сожгли все предместья, пленили всех, кого нашли там, и ушли. И опять пришли во второй и третий раз. [Потом, когда ромеи собрались с силами против них, они истребили их всех мечом в битве; немногие из них бежали и не появлялись снова в этом месте. Так ромеи избавились от них.]» У Бар-Эбраи (стр. 81) известие Михаила повторяется почти буквально. Пересказ Михаила ценен потому, что он сохранил имена народов — «гуннов и славян», которые Псевдо-Дионисий выпустил.

Когда произошло это нашествие? Заключенный в квадратные скобки конец известия Михаила, отсутствующий у Псевдо-Дионисия, без всякого сомнения, относится к нашествию гуннов и славян под предводительством гуннского хана Забергана в начале 559 г., так как оно было отбито Велизарием при помощи городских димов и фракийских крестьян², и после

¹ По Михаилу Сирийцу, «войска гуннов и славян», см. ниже.

² A g a t h. V, 12—15; T h e o p h a n, стр. 223—234, Io. M a l a l a s, Chronogr., ed. Bonn., стр. 490.

того славянские нашествия действительно надолго прекратились. Заимствовано ли это дополнение Михаилом из другой, утраченной теперь главы второй части Иоанна Эфесского, который в 571 г. мог сказать, что «славяне больше не появлялись», или из другого источника, — неизвестно. Вполне вероятно, что у Иоанна не было известия о нашествии Забергана, так как в 559 г. Иоанн, вероятно, находился в Азии. Но начало известия Михаила, вполне совпадающее по содержанию с известием Псевдо-Дионисия (Иоанна), очевидно, должно относиться к более раннему времени, хотя оно и помещается Михаилом в главе, посвященной концу царствования Юстиниана, содержащей, однако, вместе с тем обзор некоторых событий за весь период этого царствования¹.

Иоанн Эфесский, как видно из Псевдо-Дионисия, рассказывал о варварском нашествии в своих воспоминаниях о чуме, в которые были им включены воспоминания и о других грозных явлениях, предшествовавших и сопутствовавших этой грозной «каре божьей». Чума, начавшаяся в 541 г., особенно свирепствовала в 542 г., и воспоминания Иоанна, написанные под непосредственным впечатлением ее ужасов, закончены были, вероятно, в 543 г.² Как видно из контекста, Иоанн рассказывал о нашествии варваров между событиями 540 г.: с одной стороны — готская война, закончившаяся пленением Витигеса в 540 г. (Procop., Goth., III, 1), с другой стороны — взятие Антиохии персами, несомненно то же самое с взятием этого города Хозроем в 540 г., так как во всех подробностях, включительно до «мраморных плит», рассказ Иоанна здесь совпадает с рассказом Прокопия (Pers., II, 8—9). Из этого видно, что нашествие гуннов и славян, о котором здесь идет речь, произошло в 540 г. и повторялось в 541 и 542 гг. — три года подряд. Отсюда следует далее, что оно то же самое с тем нашествием гуннов, о котором рассказывает Прокопий (Pers., II, 4) как о событии, одновременном с захватом Витигеса и предшествовавшим взятию Антиохии Хозроем. Далее Прокопий сообщает об одном из повторных нападений варваров, когда они проникли до Херсонеса Фракийского и оттуда переправились через Геллеспонт в Абидос и провинцию Азию. Гуннское нашествие, о котором говорит Прокопий, историки относят то к 540,³ то к 539 г.⁴ Последняя дата, однако, исключается, так как до 540 г. Иоанна Эфесского не было в Константинополе⁵.

Прокопий говорит о «гуннском войске» (*στράτευμα Γουνηνόν*), но это не значит, что войско состояло из одних гуннов. И сам Прокопий и другие современные авторы говорят, что гунны в то время действовали обычно не одни. По словам Прокопия (Goth., II, 14), после 532 г. «гунны, анты и славяне часто переходили через реку Дунай и приносили ромеям неисчислимый вред». Малала под 529 г. говорит, что «гунны с великим множеством разных варваров» напали на армию Мунда⁶. В известии о нашествии Забергана в 559 г. Агафий называет нападавших на столицу варваров «гуннами-котригурами», Виктор Таннунский — булгарами, а Малала (и за ним Феофан) — «гуннами и славянами»⁷. Притом надо заметить, что все три автора жили в то время в столице.

¹ Agath., V, 11, ed. Bonn., 1828, стр. 229; Victor Tann., Chron., MGH, Chron. min., II, 201; ср. praefatio, 179; Malal., стр. 490; Theoph., стр. 233.

² Mich. Syr., IX, 33, стр. 323.

³ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 168, 62.

⁴ J. B. Bury. Hist. of the late Rom. Emp., I, 1899, стр. 423; Müllenhof, Deutsche Altertumskunde, II, Berl., 1887, стр. 385 и др.

⁵ Lebeau — S. Martin, Hist. du Bas Empire, VIII, Paris, 1827, стр. 474 и сл.

⁶ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 50.

⁷ Malal. Chronogr., 1831, стр. 451.

Очевидно, византийские авторы не считали нужным особенно разбираться в племенном составе смешанных варварских полчищ, нападавших на империю. Чтобы объяснить это явление, надо припомнить картину передвижения племен в V—VI веках в восточной половине Европы. В то время как гуннские племена, открывшие в конце IV века движение «восточных», т. е. азиатских, варваров в Европу, продвигались по линии северной границы империи (Черноморское побережье — Дунай), оттесняя на запад или подчиняя жившие здесь ранее племена — готов, скифов, тавров и др. — и оседая вместе с ними по всему пути от Волги до верхнего Дуная, с северо-запада наперерез им двигались к границам империи «западные», т. е. европейские народы, в подавляющей массе анты и славяне, западнее их — гепиды, лангобарды и др. Встреча этих двух волн привела к тому, что на северной границе Византии оказались живущими вперемежку племена и восточного и западного происхождения. На короткое время большая часть этих племен была объединена в гуннской державе Атиллы, но после 451 г. они постепенно снова распались на отдельные племена и союзы.

После окончательного ухода в Италию (487) остготов, которые до известной степени еще защищали северную границу империи, соседями империи оказались следующие основные племенные группы: на дунайской границе, кроме гепидов и лангобардов, гунны-котригуры, называемые также булгарами, и славяне, а по черноморской границе — анты, занимавшие в начале VI века огромное пространство от Дона до Днестра вперемежку с тавро-скифскими племенами, а потом, при Юстиниане, продвигнувшиеся до нижнего течения Дуная (Рго с., Goth., III, 14), затем часть гуннов-котригуров, частично оставшаяся в Причерноморье, гунны — утигуры, уногундуры и другие племена, жившие между Азовским и Каспийским морями¹. Вторжения этих варваров с дунайской границы внутрь империи начинаются почти одновременно около начала VI века: нападения гуннов-котригуров, которые под названием булгар впервые выступают как союзники императора Зенона против готов², известны с 449 г.³, нападения славян (гетов) — с 517 г.⁴, антов — с 518 г. (Рго с., Goth., III, 40). С того времени нападения гуннов и славян повторялись почти ежегодно по 559 г., пока новая волна восточных варваров в лице аваров, прокатившаяся через славянские и гуннские области, временно не приостановила это движение; но через некоторое время оно возобновилось с еще большей силой при несколько измененном составе варварских полчищ: славяно-гуннский период сменился славяно-аварским.

Гуннские и славянские племена для военных предприятий, естественно, объединялись в союзы, причем в этих союзах могли участвовать и одни славянские племена. Прокопий отмечает неоднократно выступления одних славян (Goth., III, 13, 14, 29, 38 и др.). В смешанных союзах вождями могли быть и гунны и славяне. Так, известно, что племенной союз антов и гундуров имел одно время антских вождей⁵. В данном случае речь идет, очевидно, о союзе гуннов-котригуров и славян, — именно славян, а не антов, потому что анты, хотя и были сами славянами, но в то время находились во враждебных отношениях со всей остальной массой славян и вели переговоры о союзе с империей (Goth. III, 14), которая всегда использовала в своих целях межплеменную вражду и старалась натравить антов

¹ A g a t h., IV, 5.4; см. J. M a r q u a r t, Die Chronologie der altturkischen Inschriften, Leipz. 1898, стр. 78—80.

² J o. A n t i o c h., FHG (Müller), IV, стр. 619.

³ M a r c e l l. C o m. MGH, Chron. min. II, стр. 94.

⁴ I b i d., стр. 100.

⁵ M a r q u a r t, l. c., стр. 78, 80.

на славян, утигуров на котригуров и т. д. Особенность нападения 540 г. заключалась в том, что это было, повидимому, первое (если не считать восстания Виталиана) нападение славян на самую столицу.

Иоанн Эфесский, по его собственным словам, был лично свидетелем варварского нашествия; и действительно, его рассказ, сохранившийся Псевдо-Дионисием, несмотря на краткость, дышит свежестью впечатления очевидца. Тогда (540) он только что прибыл с Востока в столицу и жил «в поместье патриция Проба», племянника императора Анастасия¹, которое находилось, без сомнения, в одном из «предместий» столицы, как и поместья других знатных лиц, — и следовательно, подвергалось непосредственной опасности со стороны варваров. Естественно его явное недовольство правительством, которое защищало только дворец. Его близость ко двору начинается только с 542 г., а тогда он находился еще под сильным впечатлением только что пережитых на Востоке гонений на монофизитов² и считал нашествие варваров, как и чуму, карой божьей за эти гонения.

Варвары, очевидно, прошли «длинную стену» Анастасия и стояли уже под стеной Феодосия. К этой стене, построенной около 412 г., в 447 г. префектом Константином была пристроена с внешней стороны на некотором расстоянии другая, более низкая стена с башнями³. Это «предстенное укрепление Феодосиевой стены» (*προτείχισμα Θεοδοσίου τείχος*) очевидно, и разумеется у Иоанна под «наружной стеной», а не «длинная стена» Анастасия, находившаяся гораздо дальше стены Феодосия, хотя она также называлась «внешней стеной»⁴. Между 447 г. и тем годом, когда Иоанн записал это известие, прошло около 100 лет; значит, непосредственно после постройки наружной стены между нею и внутренней стеной, на узком пространстве в 100 локтей глубиной, были посажены деревья. Теперь они были срублены, потому что была опасность прорыва варварами наружной стены, может быть, в каком-нибудь месте уже и осуществленного («разразилась беда»); в таком случае деревья могли служить прикрытием для наступления варваров на внутреннюю стену.

Если поместье Проба и уцелело, Иоанну все же приходилось, несомненно, укрываться в самом городе, и он мог лично наблюдать, как приходили послы варваров и как укреплялись ворота дворца. Защита стены была, очевидно, вполне пассивной, и варвары спокойно ушли с добычей и пленными, для того чтобы вернуться без страха на второй и на третий год и получить такую же добычу.

Никто из компиляторов Иоанна не сохранил известий о нападениях на Византию славян в 551 г. (Рго с., Goth., III, 40) и славян и гуннов в 559 г. (Agáth. V, 12—15). Возможно, что этих известий и не было у Иоанна, так как в 50-х годах он был, вероятно, в Азии, но с 563 г. Иоанн почти все время до самой смерти (585) оставался в столице и, за исключением периода 571—579 гг., который он почти целиком провел в заключении⁵, мог наблюдать дальнейшее развитие варварского движения с Дунайской границы к Константинополю. И действительно, относительно этого периода Иоанн в третьей части «Истории» дает весьма существенные дополнения к показаниям византийских историографов второй половины VI века (продолжателей Прокопия и Агафия): Менандра, от которого сохранились, однако, только фрагменты⁶, и Феофилакта Симокатта, который не

¹ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 60.

² Там же, стр. 27—31, 60.

³ CIL, III, 734.

⁴ Оба места приводятся ниже. Терминология там несколько иная, как и в только что приведенном месте Mich. Syr. IX, 32.

⁵ А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 82, 84, 98, 110.

⁶ Menandri Protectoris Fragmenta, FHG (Müller), IV, P., 1851, стр. 200—269.

был лично свидетелем событий 563—585 гг.¹ В это время выступления славян частично связаны были с выступлениями аваров.

Ниже приводятся известия Иоанна Эфесского не только о славянах, но и об аvaraх. Это необходимо, во-первых, потому, что в составе аварского войска всегда были западные, или паннонские, славяне, жившие за Савой и Тиссой и входившие вместе с котригурами в державу аварского кагана; во-вторых, потому, что из показаний Иоанна Эфесского достаточно определенно выясняется отношение между аvaraми и главными массами славянства, жившими на восток от Тиссы, которое в исторической науке обычно освещается неправильно в смысле преувеличения исторической роли аваров и намеренной или ненамеренной недооценки исторической роли славянства. Некоторые византийские авторы, особенно позднейшие, дают повод к этому, представляя иногда славян вообще подчиненными аварскому кагану, очевидно, потому, что византийское правительство вело постоянные переговоры с каганом, иногда с антами, но никогда со славянами, жившими по Дунаю, на восток от Тиссы (мы будем называть их условно «дунайскими» славянами, а их западных соседей за Тиссой и Савой — «паннонскими» славянами). Но это объясняется тем, что аvari после занятия Паннонии, а вначале также и анты преследовали почти исключительно цели грабежа и не стремились к захвату территории империи, тогда как дунайские славяне стремились именно к захвату основных территорий Восточной империи, и, следовательно, противоречия между ними и империей были непримиримы.

Авари, кочевники закаспийских степей, около половины VI века были покорены турками, создавшими мощное государство в Согдиане. Тогда часть аваров в количестве 20 тыс., как показывали сами турки, бежали от завоевателей (Men., fr. 18, 43) и в 558 г. появились в стране аланов, на западе от Каспия. Отсюда они отправили посольство к Юстиниану (ib., fr. 4), который рад был использовать их против котригуров и славян, как раз в то время предпринявших поход на столицу под предводительством Забергана (начало 559 г.). Результатом было движение аваров через Черноморское побережье к нижнему Дунаю — в «Скифию». По дороге они опустошили земли сабиров, утигуров, котригуров и антов; особенно пострадали анты, так как аvari временно осели на занятых антами недавно — при Юстиниане — землях в самых низовьях Дуная (ib., fr. 5—6, 9).

В качестве новых охранителей границы аvari получали ежегодные подачки от императора. В 562 г. они просили у Юстиниана разрешение выбрать себе землю для поселения внутри империи. Юстиниан предложил им вторую, или нижнюю, землю для поселения внутри империи. Но Паннония была занята гепидами и герулами, с которыми одни аvari не могли справиться. В то же время командовавший войсками на дунайской границе Юстин (будущий император) принял спешные меры к укреплению границы на нижнем Дунае (ibid., fr. 9). Тогда аvari предпринимают дальнейшее путешествие через дунайские земли на запад, тем более что византийское правительство, укрепив границу, перестало им платить (в 565 г. при Юстине II). Скоро аvari оказываются в Тюрингии, ведут войну с франками, которая заканчивается союзом с ними, потом в союзе с лангобардами разрушают царство гепидов в Паннонии (567), после чего лангобарды вместе с покоренными гепидами уходят в Италию (568), а аvari захватывают Паннонию, за исключением города Сирмия (Срема) на левом берегу Савы, который во время войны успевают занять византийцы².

¹ Theophylacti Simocattae Historiae, ed. Bonn., 1834 (CSHB).

² Men., fr. 14, 23, 25, 26; Greg. Tur., Hist. Franc. IV, 23, 29; Müllenhof, I. c. II, стр. 101—103.

С той поры Паннония стала отправным пунктом для дальнейших нашествий аваров на империю. Теперь авары были не одни: они стояли во главе могущественного союза племен, населявших Паннонию и соседние области (Далмацию, Норик, Рецию и др.). Аваров было всего 20 тыс. Между тем в походе 578 г. против дунайских славян участвовало 60 тыс. одних только всадников (*ibid.*, fr. 48). Здесь были гунны-котригуры, увлеченные аварами во время их движения на запад (*ibid.*, fr. 27), но еще больше здесь было западных славян, которые жили в Паннонии и соседних областях до нашествия аваров и остались здесь после ухода гепидов. Наличие здесь славянских племен до аваров ясно из показаний Прокопия (*Goth.* III, 29, 40 и др.), и в дальнейших походах аваров на империю, несомненно, участвовали жившие за Савой славяне¹.

Надо заметить, что власть аварского кагана и в этом союзе не слишком много значила. В 573 г., во время заключения мира с аварами, император Юстин II хотел непременно взять в качестве заложников детей кагана, но полководец Тиберий (будущий император), который воевал с аварами и лучше знал положение дел, настаивал, чтобы заложниками были взяты дети «скифских начальников», т. е. союзников кагана, потому что «если бы каган и захотел нарушить мир, отцы заложников на это не согласились бы» (*Men.*, fr. 33). Что касается дунайских славян, то они ни в каком отношении не были подчинены аварскому кагану, как и завязтые его враги — анты.

Неизвестно, каким путем авары прошли в Тюрингию через задунайские земли, но, очевидно, они как-то обошли землю, занятую славянами. До аварского нашествия 578 г., по признанию самого кагана, «эта земля не была разорена никаким другим народом» (*ib.*, fr. 48), и попытка кагана подчинить себе один из славянских союзов встретила решительный отпор со стороны славян (*ib.*, fr. 48). Все это необходимо иметь в виду при объяснении нижеследующих известий Иоанна Эфесского о славянах в третьей части его «Истории».

Полностью сохранились известия Иоанна о славянах при Тиберии (574—582). Известия о славянах при Маврикии до года окончания Иоанном его «Истории» (585) сохранились только в кратких пересказах Михаила Сирийца, которые легко могут быть выделены благодаря сохранившимся оглавлениям утраченных глав шестой книги. Интересующие нас главы Иоанн писал под непосредственным впечатлением событий постепенно — между 581 и 585 гг. Естественные пробелы в рассказе падают на 571—579 гг., когда Иоанн сидел в тюрьме.

В третьей книге, в 25 главе, написанной в конце 581 или в начале 582 г.² еще при жизни Тиберия, Иоанн дает общую характеристику внешнего положения империи за время, когда Тиберий был цезарем, т. е. при жизни Юстина II (574—578), и затем императором до времени написания главы (578—581). Характеристика проникнута симпатией автора к Тиберию, сравнительной веротерпимости которого он был обязан освобождением из тюрьмы³.

Глава 25: о тяготах многих войн, которые обступили царя Тиберия, когда он был цезарем.

«С того времени, как милостивый Тиберий воссел [на престол] в качестве цезаря при жизни Юстина царя, — потому что сам Юстин впал в испытание разных болезней, — этого цезаря со всех сторон обступили войны: прежде всего, война против персов, а одновременно с ней война против всех других варварских народов, которые восстали на сильное

¹ Например, *Theophyl. Sim.* VI, 4 и др.

² А. Дьяконов, Цит. соч., стр. 321.

³ Там же, стр. 109—111. Переведенный далее текст *I o. E p h.* III, 25, по изд. Brook, CSCO, III, стр. 152.

царство ромеев и грозили ему со всех сторон. Равно и после смерти Юстина враги сильно на него налегли и особенно проклятые народы склавинов (*esqlabine—σκληρῆνοι*) и тех волосатых людей, которые называются аварами (*abarīs*), главным образом, когда он стал императором, когда ему и на короткое время не было покоя от вестников и слухов, которые во множестве приходили к нему из всех мест. Так что многие вельможи и некоторые из маленьких людей страдали за него, говоря: в тяжких испытаниях и в злые дни досталось ему царство, так как дни и ночи он подвержен заботе о том, чтобы собирать отовсюду войска и посылать их во все стороны на многочисленные войны».

Конкретно эта картина развертывается в приводимых ниже главах шестой книги. Положение было такое. Авары, получившие от Юстина II отказ в ежегодных подарках, когда они были еще слабы, теперь, после образования сильного аварского союза в Паннонии (576), выступают с новыми требованиями: они требуют передачи Сирмия, который раньше принадлежал к завоеванному ими государству гепидов, и ежегодной выплаты сумм, которые раньше получали от империи покоренные теперь аварами котригуры и утигуры. Непрерывные посольства с этими требованиями в 568—574 гг. сопровождались нападениями на Сирмий и Далмацию (Men., fr. 26—29 и сл.). Посланный в 573 г. для решительных переговоров полководец Тиберий (будущий император) не имел успеха, и начавшаяся затем война привела к решительному поражению Тиберия¹. В конце 574 г. (7 декабря) психически больной Юстин II передал управление государством Тиберию в звании цезаря², и первым делом нового цезаря было заключение позорного мира, по которому империя обязалась платить кагану ежегодно 80 тыс. номисм³. Аваров, которые сами не имели завоевательных планов в отношении империи, можно было купить золотом.

Гораздо опаснее для империи были задунайские славяне. Когда после ухода аваров из Скифии (565) аварский кризис, задержавший на время движение этих славян, разрешился, они стали нападать на империю с новой силой. В 578 г. (в четвертом году цезарства Тиберия) славяне в числе 100 тыс., перейдя Дунай, опустошили Фракию и другие балканские провинции, в том числе и Элладу⁴. Не располагая собственными силами, Тиберий направил против дунайских славян аварского кагана, который и сам стремился поживиться за счет огромных богатств, в разное время захваченных славянами в империи. Кроме того, славяне одного союза во главе с вождем Давритой, или Даврентием, решительно отказали кагану в подчинении и даже убили посланных с этим предложением его послов. Аварское войско было перевезено на византийских судах через Саву, проведено по территории империи на восток до какого-то пункта на Дунае (может быть, Доростола) и здесь вновь было переправлено на северный берег Дуная. Селения славян были сожжены и ограблены, но сами славяне были неуловимы в своих лесах (Men., fr. 48), и поход кагана не имел для них существенных последствий. Но для империи это был опасный прецедент. Авары и их союзники не переставали угрожать империи. Они снова требовали Сирмия, который для империи был главным оплотом против паннонских соседей. Переговоры были безуспешны. В течение трех лет (579—582) происходила война из-за Сирмия (*ib.*, fr. 68). В 581 г. каган построил мост на Саве, между Сингидоном и Сирмием, чтобы окружить Сирмий со всех сторон и обеспечить себе удобную переправу в римские провинции. Затем

¹ Men., fr. 34—35; Evagr., Hist. eccl. V, 11; Theophan. стр. 247.

² J. o. Eph., III, 5.

³ Men., fr. 63; Theoph. Sim. 1, 3, стр. 38—39.

⁴ Men., fr. 47, 48. Это нашествие не тождественно с нашествием 581 г., о котором говорит J. o. Eph. VI, 25; см. ниже.

был построен еще другой мост в верховьях Савы для переправы в Далмацию (ib., fr. 63—64, ст. 66). В постройке мостов, как и позднее, несомненно, участвовали паннонские славяне, так как славяне считались специалистами по речному и морскому делу ¹.

Оправдывая постройку моста, каган ссылается на то, что в интересах империи он намерен совершить новый поход на дунайских славян, и даже просил Тиберию заготовить суда для переправы его войск через Дунай, как в 578 г. (ib., fr. 63). Истинные намерения кагана были ясны для ромеев, но все попытки помешать постройке моста остались безуспешными. Посланный Тиберием две армии (через Иллирик и Далмацию) были бессильны спасти Сирмий (ib., fr. 64). Выдержав двухлетнюю (580—582) осаду, город должен был сдаться вследствие голода. По приказанию Тиберия полководец Феогнид передал город аварам и согласился на уплату золотом за прошедшие три года войны (ib., fr. 66). Таким представляется положение на северной границе империи у Менандра.

Иоанн Эфесский не упоминает о событиях 573—579 гг., в том числе и о вторжении славян 578 г., так как в эти годы он был в тюрьме. Зато он сообщает о другом нападении славян на империю и на самую столицу (581), о котором у Менандра известия не сохранились. Во всем остальном детальный рассказ Иоанна, содержащийся в шестой книге (главы 24—25 и 30—33), представляет параллель к рассказу Менандра, но с некоторыми существенными подробностями. Эти главы написаны автором в 584 г. ²

«Глава 24: о гнусном народе, который называется аварами.

Этот народ волосатых ³ людей, которые называются аварами, пришел и объявился на земле ромеев во дни Юстиниана царя. Приняв послов их, он щедро одарил их золотом и серебром, одеждами и поясами (ζωνάρια), золотыми чепраками и другими [вещами], которые он дал им и послал через них их начальникам, так что они дивились и снова посылали других, и он опять давал и этим и щедро их одарял. Так они посылали много раз по [различным] причинам. И не только послов посылали, но и скопища (ζωγία) составляли и приходили, а он их всех одарял и нагружал [добычей], и они уходили. Ибо он думал, что при помощи их сможет покорить всех своих врагов. Так что поднялся против него ропот со стороны всего сената и всего города, что вот он разоряет царство и раздает его варварам. Когда он ушел из мира и воцарился Юстин, сын сестры его, случилось, что пришло одно такое скопище, чтобы по обычаю нагрузиться дарами и уйти. Немного дней спустя они пришли к Юстину и сказали ему: дай нам, как давал умерший царь, и отпусти нас идти к своему царю. Но царь Юстин, бывший одним из тех, которые скорбели и роптали по поводу того, сколько они берут и уносят из царства, сказал им: больше вы ничего не получите и уйдете [ни с чем]. А когда они начали угрожать, он разгневался на них и сказал им: вы, дохлые собаки, угрожаете царству ромеев? Знайте, что я обстригу у всех вас волосы, а потом сниму и головы. По его приказанию они были схвачены и отправлены на корабли, и он удалил их из города; их перевезли [через Босфор] и заключили в Халкидоне. Их было около 300 человек. Там было поставлено войско со скрибонами и схоляриями, которые сторожили их в течение шести месяцев. Наконец он освободил их и отослал; он пригрозил им, сказав: если я увижу еще кого-нибудь из вас здесь и вообще в моем государстве (πολίτεια), тот не останется живым. Тогда они убоялись его, успокоились и больше не показывались к нему.

¹ Theoph. Sim. IV, 4; Mauricii Strateg, «Исторический архив» II, 1930, стр. 35.

² А. Дьяконов. Цит. соч., стр. 323.

³ Ср. Mich. Syr. (Jo. Eph.) X. 21, стр. 379, «заплетающих волосы»; см. ниже.

Наконец они послали к нему послов [с предложением] дружбы и покорности и [обещали], что сделают все, что он им прикажет. Итак, все они оставались его друзьями. Так как они были народ сильный и особенно умножились и усилились от многих северных народов, которых они подчинили и завоевали, то они напали напоследок на том берегу великой реки, называемой Дунаем (Dunabis) на другой сильный, народ гепидов (gipidas — Γηπαίδες), завоевали их и наследовали их землю; они осели и распространились на этой хорошей земле. Наконец, под видом друзей, они с коварством послали послов к царю Юстину, которые просили его [от имени своего царя] послать к нему инженеров (μηχανικοὺς) и строителей, чтобы они построили ему дом-дворец (πάλαττον) и бани (βαλανεῖα), почему он их и послал¹. А когда они пришли, построили ему дворец и бани и, покончив [работу], требовали отпуска и возвращения [домой], тогда он открыл свою хитрость и обнаружил коварство сердца своего. Он арестовал их и извлек меч свой на них, говоря: если вы со своим искусством не постройте мост на Дунае (Dunabis), чтобы нам перейти, куда захотим, никто из вас не будет жив, и я сейчас сниму ваши головы. Когда он так принуждал их, они сказали ему: кто может или кто смог когда-либо построить мост на реке, которая похожа на море? Кроме того, если бы мы могли его построить, это было бы против государства (πολιτεία) ромеев, и тот царь убил бы нас; пусть мы умрем или будем жить, но этого мы не можем сделать. Он тотчас отрубил головы двоим из них, так что другие, убоявшись смерти, обещали: если вы привезете нам много больших и крепких деревьев, мы сделаем мост и не умрем. Тогда вышло много народа и срубили много крепких и больших деревьев. Так, вынужденные [угрозой] смерти от меча, они применили свое искусство и построили весьма прочный мост. Когда царь Юстин процарствовал 13 лет, он ушел из мира, и победитель Тиберий, пробыв с ним вместе четыре года цезарем, явился после него автократом. Немало беспокоило его и все государство это дело, которое было в третьем году его царствования после смерти Юстина, и он всеми мерами старался, чтобы мост сломали, но сейчас не мог [этого сделать], и они владели им и оставались там, причем требовали у царя: или он отдаст им город Сирмий на этом [т. е. аварском] берегу, чтобы им поселиться в нем, или они будут воевать с ним и опустошат все его государство (πολιτεία). Но он решительно не согласился отдать им его. И вот они, собравшись, выжидали подходящего времени, чтобы начать войну². Они построили, говорят, и другой мост, чего никогда не бывало, и это сделали они, подготавливая зло».

¹ Mich. Syr. X, 18, стр. 371a: «Царь был рад приобрести их дружбу и послал им, кого они просили».

² У Михаила Сирийца (в гл. X, 18, стр. 371a—372a), кратко пересказывающего здесь данную главу «Истории» Иоанна, имеется такая неожиданная вставка, вероятно, заимствованная из VI, 45 той же «Истории», где Иоанн снова повторял рассказ об аварах, как это видно из сохранившегося оглавления шестой книги (см. ниже): «Когда воцарился Тиберий и узнал, что мост был на Дунае, он решил его разрушить, но сейчас не мог, так как был занят войною с персами, которая велась (персами) против ромеев 20 лет. Тогда усилилось на них давление со стороны аваров, которые поднялись и пришли с окраин Востока. А еще — народы западнее склавинов и других, называемых лангобардами, так как они были в подчинении у кагана (kagan), царя аваров. И они построили еще другой мост на Дунае (Dunabis)». Так как приведенный текст, за исключением первой и последней фраз, повторяется почти буквально еще в Mich. Syr., X, 21 (см. ниже), то надо предполагать, что одно из этих мест заимствовано не непосредственно из VI, 45 третьей части «Истории» Иоанна Эфесского, а из другого источника, может быть, из Иакова Эфесского, который имел своим первоисточником того же Иоанна Эфесского. Первая фраза приведенного текста — явное недоразумение компилятора: мост был построен не при Юстине, а в третьем году Тиберия, как ясно говорит Иоанн Эфесский.

Этот рассказ по содержанию соответствует известиям Менандра в сохранившихся фрагментах его «Истории» (14, 23—29, 31—35, 63—64), но имеет существенные особенности и дополнения в отношении тех фактов, которые автор наблюдал непосредственно. Иоанн был близок ко двору Юстиниана и Юстина II (до 571 г.), был в курсе политики Тиберия, и его сведения заслуживают полного доверия. Говоря об Юстиниане и Юстине II, автор выходит из хронологических границ третьей части своей «Истории»¹, и весьма возможно, что он повторяет то, что было уже сказано во второй части. Оценка политики Юстиниана в отношении варваров совпадает с точкой зрения Прокопия в его «Тайной истории» (XIX, 13—16, VIII, 5—6) и решительно расходится с точкой зрения Менандра, который полагает, что Юстиниан своей политикой «преодолеет бы аваров», если бы ему не помешала смерть (fr. 4).

Красочный рассказ о приеме аварских послов Юстином II внушает больше доверия, чем отзывающийся риторическим вымыслом рассказ Менандра². Может быть, Иоанн был лично свидетелем этого приема. Отсутствующий у Менандра рассказ об аресте аварского «скопища» своими конкретными подробностями вполне доказывает свою достоверность. Иоанн умалчивает о движении аваров из Скифии в страну франков, о котором, очевидно, не имел достоверных сведений, а равно о событиях 571—579 гг., когда он был лишен свободы. Зато он сообщает важное сведение, что авары усилились только благодаря подчинению «северных народов», под которыми обычно разумеются в первую очередь славянские племена.

В приведенном выше дополнении Михаила Сирийца, заимствованном, вероятно, из шестой книги «Истории» Иоанна, прямо говорится о славянах и лангобардах. Но лангобарды могли участвовать в аварском союзе разве лишь в незначительном количестве, потому что главная масса их в 568 г. ушла в Италию. Что касается славян, подчиненных кагану, то здесь разумеются, без сомнения, паннонские славяне, так как они вместе с аварами представляются живущими за Савой и во всяком случае наступавшими на Сирмию не с востока.

Правда, в данном случае рассказ Иоанна имеет одну ошибку. Авары построили мост не через Дунай, а через Саву. Это видно не только из показания Менандра (fr. 63), но и из самого существа дела. Паннония, область гепидов, захваченная аварами, была отделена от римской территории Савой, а не Дунаем. Для того чтобы пройти в страну дунайских славян, авары в 578 г. должны были сначала перейти Саву, а потом, пройдя по римской территории, переправляться на северный берег Дуная (ib., fr. 49—50). Такой же путь предполагался каганом в 580 или в 581 г. (ib., fr. 63). Возможно, что мы имеем здесь ошибку переписчика-сирийца, который просто не понял названия Сава (Σαός). Но возможно, что ошибка принадлежит самому автору. Смещение Сава с Дунаем было естественно для того времени, когда северную границу империи составляла почти прямая линия Сава — Дунай. Тенденция к такому смещению, повидимому, есть у Менандра³.

О посылке византийских инженеров к кагану рассказывает только Иоанн Эфесский. Инженеры были посланы Юстином II, но мост они построили только в 581 г., следовательно они пробыли у аваров не менее

¹ Третья часть начиналась с 571 г. (6-й год Юстина II) J o. E p h. I, 3.

² Прием описан также у панегириста Юстина II Кориппа (De laud. Justini, lib. III), по которому он имел место в седьмой день после воцарения Юстина.

³ Каган, по его словам (fr. 28), в 568 г. грозил императору «перейти Истр» (т. е. Дунай), а потом и Герб (Марицу) «чтобы занять сразу все фракийские города», — следовательно, перейти с левого берега Дуная на правый. А в 578 г., для того чтобы попасть в находившиеся на левом берегу Дуная славянские земли, ему надо было переходить опять-таки Дунай уже с правого берега на левый (fr. 48). Ср. также fr. 27 и 63.

семи лет. В постройке мостов, несомненно, участвовали паннонские славяне, как об этом и сказано в приведенном дополнении у Михаила Сирийца. Степные кочевники-авары не были знакомы с судоходством и речным делом. В 592 г. в аналогичных условиях, когда кагану потребовалось перейти Саву, славяне изготовляли ему суда, а потом соорудили мост из судов через эту реку (Theoph. Sim. VI, 1, 4). Вероятно, о таком же мосте идет речь и в данном случае, только византийские инженеры должны были применить более высокую технику. Стратег VI—VII веков Маврикий свидетельствует, что славяне и анты «опытны в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей»¹. В данном случае имеются в виду только паннонские славяне, так как в том же году, когда паннонские славяне строили мост и осаждали Сирмий, дунайские славяне совершали вторжение во Фракию, о котором наш автор рассказывает в следующей, 25 главе шестой книги, написанной также в 584 г.

«Глава 25: о народе склавинов (*esqlavinu*) и об опустошении, которое они произвели во Фракии в третьем году царствования кроткого царя Тиберия.

«В третьем году после смерти царя Юстина и воцарения победителя Тиберия² совершил нападение проклятый народ склавины (*esqlavine*). Они стремительно прошли всю Элладу, страны Фессалоники³ и всей Фракии и покорили многие города и крепости (*qastros — castra*). Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле. Они осели на ней господами, как на своей, без страха. Вот в течение четырех лет и доселе, по причине того, что царь занят персидской войной и все свои войска послал на Восток, — по причине этого они растеклись по земле, осели на ней и расширились на ней теперь, пока допускает⁴ их бог. Они производят опустошения и пожары и захватывают пленных так что у самой внешней стены они захватили и все царские табуны⁵, много тысяч [голов], и другую разную [добычу]. Вот и до сего дня, т. е. до 895 г.⁶, они остаются, живут и спокойно пребывают в странах ромеев — люди, которые не смели [раньше] показываться из дремучих лесов и [мест] защищенных деревьями⁷ и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев (*loxhidia*), т. е. дротиков»⁸.

В этой весьма ценной для истории славян главе, к сожалению, особенно сильно сказываются свойственные вообще Иоанну беспорядочность изложения, «общие места» и тавтология. В самом стиле чувствуются исключительное волнение и беспокойство автора перед этими страшными варварами, которое, конечно, должно было охватить все население империи, и в частности столицы. Мы дали перевод, по возможности, буквальный.

Нашествие славян, о котором говорит Иоанн, обычно отождествляется с нашествием 578 г.⁹, о котором рассказывает Менандр (fr. 47—48). Но по-

¹ «Исторический архив», II, стр. 35.

² Буквально: «в третьем году после смерти царя Юстина и царствования» и т. д.

³ Точно: «Фессалоники», plur.

⁴ Так, думаю, надо понимать слово «game»: Brooks (versio 249) переводит: «пока их выбросит бог», что также приемлемо. J. M. Schönfelder (Die Kirchengeschichte des Johannes von Ephesus, München, 1862) переводит: «пока их выбросил вон бог». Об этом правильно было сказано: «не бог выбросил их, а немецкий переводчик» (A. v. Gutschmid, Kl. Schr., V, стр. 433).

⁵ Буквально: «так что даже до внешней стены и табуны царя все... захватили».

⁶ 895 г. селевкидов равняется 583—584 г. н. э.

⁷ Mich. S. y. r., 18 (стр. 372a) читает вместо *vachsike* («и защищенные») — *dchazine* («мошных»). Вероятно, в первоначальном тексте было: «из дремучих лесов с мощными (или частыми) деревьями».

⁸ Mich. S. y. r. (ib.) добавляет: «и стали они господами в стране ромеев на долгое время».

⁹ А. В. Васильев, Славяне в Греции. ВВ, V, 1898, стр. 409—410. Ю. Кулаковск и й, История Византии, т. I, Киев, 1915, стр. 395; С. П. Шестаков, Лекции по истории Византии, т. I, Кавань, 1915, стр. 387 и др.

следнее датируется у Менаандра «четвертым годом царствования Тиберия цезаря» (гг. 4—7), т. е. четвертым годом цезарства Тиберия, которое началось с 7 декабря 577 г. В данном случае речь идет о «третьем годе царствования Тиберия» «после смерти Юстина», т. е. о третьем годе его автократии, которая началась 26 ноября 580¹ г. В 584 г., когда была написана данная глава, шел и, может быть, уже кончался четвертый год от начала нашествия: значит, нашествие началось не позднее весны 581 г. Хронология вполне ясная: речь идет о нашествии, о котором у Менаандра известия не сохранились, как и у других византийских историков и хронистов, несмотря на всю важность события. Повидимому, дело надо объяснять тем, что это событие лежало на грани исторической традиции между Менаандром и Симокатом, которые были первоисточниками и для позднейших авторов: первый, заканчивая свою историю 581 г., просто не успел о нем рассказать, а второй, начиная с 582 г., считал его уже выходящим за хронологические рамки своей «Истории». При этом оба были слишком увлечены рассказом об аварской войне. Историческая достоверность славянского нашествия 581—584 гг. не может подлежать сомнению, так как Иоанн был его свидетелем длительное время.

Какие славянские племена участвовали в этом нашествии? Это были не западные, паннонские, славяне, потому что на линии Савы стояли тогда две византийские армии, и не анты, потому что наш автор знает антов под их собственным именем.² Значит, это были дунайские славяне, жившие между Тиссой и антами (т. е. Скифией). В 90-х годах VI века ромейские армии переходили через Дунай в области славян, особенно беспокоивших империю, у Доростола и Секуриски (в Нижней Мезии), у Верхних Нов и Виминакия (в Верхней Мезии)³. Этими пунктами можно определить приблизительно те области, из которых пришли славяне в 581 г. Провинции, через которые славяне «стремительно прошли», перечисляются у Иоанна в обратном порядке: они должны были, конечно, пройти сначала Фракию, потом — Македонию («страны Фессалоники») и, наконец, Элладу, вероятно, включительно до Пелопоннеса, причем они делились на группы, оседая по частям в захваченных провинциях. Иоанна, естественно, больше всего занимает та группа, которая осела во Фракии, недалеко от столицы; о других группах он не говорит ничего, кроме общих фраз. Фракийская группа доходила до «внешней стены», под которой здесь надо подразумевать «длинную стену» Анастасия между Дерком и Селимврией, так как на этот раз славяне не обнаружили намерения напасть на самую столицу.

Нашествие 581 г., в котором участвовали одни славяне, существенно отличалось от нашествий 540—542 гг., в которых они участвовали вместе с гуннами. Там целью нашествий был грабеж: варварские полчища приходили и уходили с добычей, хотя возможно, что уже тогда часть славян оставалась в империи. Теперь картина другая. Иоанн и здесь говорит о грабежах и опустошениях, об уходе цленных, но, с другой стороны, славяне «оседают на земле», становятся «господами земли», живут на ней четыре года и не собираются уходить. Это видимое противоречие надо объяснить так: славянское движение 581 г. было движением племенных групп, искавших мест для поселения, но в нем участвовали также — и, вероятно, стояли во главе его — дружины, которые, захватив добычу и пленных, уходили обратно к тем частям племен, которые оставались за Дунаем. Племенные группы оставались в качестве земледельцев и скотоводов на занятой земле.

¹ J. o. E p h. III, p. III, 5—6; C l i n t o n, Fasti Romani, I, стр. 894.

² J. o. E p h., ib., VI, 48; M i c h. S y r., X, 21, стр. 379a.

³ T h e o p h y l. S i m. VI, 8—9; VII, 3—6; VII, 7; VIII, 1.

В отличие от степных кочевников, гуннов и аваров, славяне были склонны к оседлости и земледелию. Занятие земли на Балканах было возможно потому, что балканские провинции сильно обезлюдели в результате продолжавшихся уже два столетия варварских нашествий. Славяне, которые хотели поселиться на новых местах, заинтересованы были в мирных отношениях с местным крестьянским населением. В 584 г. авары и западные славяне говорили крестьянам Мезии: «выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас только половину подати»¹. Нет оснований думать, что иначе относились к крестьянам дунайские славяне. Может быть, часть крестьян захватывалась в плен. Зато крупные виллы и латифундии, занимавшие, вероятно, большую часть территории (особенно в Элладе), без сомнения, сильно пострадали: они-то и подвергались «грабежам и опустошениям», о которых говорит наш автор. Но именно потому крупные помещики должны были из страха перед варварами бросать землю и уводить своих рабов в другие, более безопасные поместья. В результате, под самой «длинной стеной» вместо сенаторских вилл появляются своего рода салтусы, на которых пасутся, между прочим, конские табуны императора, «много тысяч голов». Таким образом, для новых поселенцев земли было достаточно. Правительство не только было бессильно против них, но и не имело особых оснований сгонять их с земли, так как оно рассчитывало получать с них обычную «синтелию», которую нельзя было получать с пустого места. Беда была только в том, что даже эти мирные поселенцы умели защищаться, а иногда и нападать с оружием в руках.

В дальнейшем источники часто говорят о восстаниях славян внутри империи. Это был постоянный революционный элемент, который действовал заодно с периодически восставшими рабами и колонами империи. Кроме того, к новым поселенцам периодически возвращались для грабежа городов и оставшихся латифундий, а также монастырей и церквей вооруженные дружины соплеменников из-за Дуная. Таким образом, внутренние восстания здесь сливались с внешними вторжениями. Поэтому правительство относилось к новым поселенцам то спокойно, то высылало против них войска. Данные источников, относящиеся к 80 и 90-м годам VI века, показывают, что правительственные войска борются против вооруженных дружин, стараясь оттеснить их за Дунай, но иногда они нападают и на мирное славянское население Фракии и Мезии, а иногда сами мирные славяне нападают на войска правительства.

¹ Mich. Syr. (J o. E p h.) X, 21, стр. 379a.

